

— ...Ты?

Не успев осознать, ребёнок уже звал заклинателя. Заклинатель, закрывший рот рукой, повернул голову. В момент, когда их взгляды встретились среди бесчисленно мерцающих огней.

— Вспых.

Пламя, что слабо колебалось, словно вот-вот погаснет, жарко вспыхнуло.

— Ну вот, готово.

Златоволосый мужчина протянул бутылку. Внутри бутылки плескалась жидкость.

— Хорошо бы по дороге не замёрзла.

— Не заморозлю.

Мужчина ни капли не поверил словам ребёнка.

— Если бы всё шло по воле Вашего Величества, разве Валенс был бы до сих пор в таком плачевном состоянии?

Уголки глаз мужчины дёрнулись. В горизонтальных зрачках застыла усмешка.

— Если вы владыка, нужно хорошо контролировать эмоции.

В каждом слове мужчины сквозила откровенная насмешка. Глаза ребёнка сузились.

— Я думаю, что контролирую довольно хорошо.

— Это говорит тот, кто превратил весь Валенс в ледяную пустошь.

— Вот именно.

Ребёнок выхватил бутылку. На вогнутом горлышке бутылки расцвели белые кристаллы.

— Ведь закончилось на Валенсе.

Впервые мужчина потерял дар речи. Мужчина, застывший на мгновение, вскоре рассмеялся безнадежным смехом и покачал головой.

— Верно. Как же повезло, что не дошло до Тахвана, Сирана и даже Нэйва, а ограничилось только Валенсом. Ведь вы предотвратили ледниковый период на всём континенте, не так ли?

Как же повезло. Мужчина, расплываясь в сияющей улыбке, ласково съязвил. Ребёнок, держащий в руке бутылку с зельем, слегка наклонил голову.

— Ты подшутил над моим спутником?

Улыбка мужчины резко оборвалась.

— Было неинтересно. Но я сказал, что не могу убить, потому что должен получить кое-что.

Ребёнок медленно покачал бутылку с зельем.

— Теперь я получил всё, что нужно было получить. Есть ли причина не убивать?

Сухой голос содержал чистое любопытство. Мужчина нахмурился.

— Этот человек – Камир, Камир. Вы знаете, чем они занимаются?

— Угу. Слышал.

— И всё равно встаёте на сторону этого человека? Почему вообще?

Мужчина повысил голос. Для него, всегда сохранявшего джентльменские манеры, это было редкостью. Ребёнок коротко вздохнул: фу-ух.

— Потому что тупой.

Мужчина, собиравшийся в гневе выпалить что-то, замер.

— Голова плохая, да ещё и глаза косые, ничего толком не умеет. Слабый до безобразия, да ещё и с интеллектом проблемы – что с этим делать. Настолько тупой, что удивительно, как до сих пор жив.

Ребёнок с невозмутимым лицом ворчливо изрыгал ругательства совершенно искренне. Он действительно считал, что человек рода Камир настолько глуп, что его даже жалко.

Мужчина, застывший в недоумении, издал звук: кхм, – словно из него выпустили воздух, а затем разразился хохотом. Смеялся он так долго, что ребёнок, не выдержав, ушёл посреди этого.

— Э-это, кхах, это зелье тоже собираетесь отдать человеку рода Камир?

Вслед уходящему по лестнице ребёнку мужчина громко крикнул.

— Этим зельем вы не сможете спасти вашего человека! Потому что он уже поражён энергией суровых холодов. Эрозия быстрее, чем увеличение жизненной силы! Этим зельем вы в лучшем случае лишь немного отсрочите предрешённый финал!

Хотя, конечно, вы и так это знаете, – добавил мужчина ненужные слова.

— Чтобы спасти этого человека, нужно решить фундаментальную причину!

Быстро спустившийся ребёнок вышел из здания. Бам! Дверь раздражённо захлопнулась, и голос мужчины тоже был погребён вместе с ней.

***

Остро отточенное лезвие бодро постукивало по разделочной доске. Над тёмно-синей тенью, легкой на пол, плавали фартук и поварской колпак.

— Есть какие-то заботы?

Тен, сидевший в рассеянности, испуганно вскочил, застыв в неловкой позе.

— Так заметно?

— Конечно, заметно.

Когда Тен спросил, ощупывая своё лицо, белый колпак закачался вверх-вниз. Словно кивая.

— Недавно я встретил духа, друга матери.

— О, правда?

— Мы кратко побеседовали, и он рассказал совершенно другую историю, чем я слышал от матери.

Мать, оставившая завещание вернуть украденное ожерелье хозяину. Но сам хозяин – волк – говорит, что подарил его матери. Лицо волка, недоумевавшего, почему она сама себя оклеветала, хотя и принадлежало зверю, которого он плохо знал, казалось где-то печальным.

— Наверное, мать солгала.

— Почему вы так думаете?

— Потому что духи честны.

Верно. Точно. Тен поразился собственной глупости. Насколько долго он был оторван от практики, что забыл даже такие базовые знания. Видимо, и правда жил, потеряв рассудок.

— Почему же мать солгала?

— Тебе это знать лучше, чем мне, кто её ни разу не видел.

— Ну что ж. Честно говоря, я тоже не так часто видел мать, так что плохо знаю.

Тен горько улыбнулся.

В детстве он липнул к её юбке как репей, но с определённого возраста это стало невозможно. Поскольку на теле не было дня без ран, оправдания кончились, и приходилось избегать её. После этого поступил в школу-интернат. Больше не нужно было мучительно выдумывать оправдания, не нужно было видеть её лицо, заливающееся слезами при виде ран, и от этого чувствовал облегчение.

— Может, ты мать и не знаешь хорошо, но мать знает тебя хорошо, поэтому так и поступила.

Мать хорошо меня знает?

— Кстати, ты уже совсем выздоровел? Так ужасно болел, а потом внезапно мы не могли тебя видеть, так испугались. Хорошо, что после целого дня сна стало лучше.

— Теперь всё в порядке. Тогда я тоже испугался... Что? Целый день?

Значит, встал не через час-два. Почему же никто не разбудил? Ведь все прекрасно знали, что Валленштайн ждёт.

— Зелье выпил?

От внезапно раздавшегося голоса и повар, и Тен вздрогнули. Редкий случай – Валленштайн пришёл первым, прежде чем Тен пошёл его встречать.

— Выпил?

— А, да.

Аквила изо всех сил слегка растопила намертво замёрзшую жидкость. Едва смочил язык, но так или иначе, выпил - значит выпил. Тен уверенно ответил.

Жнец говорил, что даже необработанная трава даст неплохой эффект. Поэтому, как только получил траву, попробовал её, и это было ошибкой. Чуть не выплюнул прямо так, как жевал. Вкус превзошёл воображение до такой степени, что лучше бы съел целую терпкую хурму. Даже Тен, у которого не было особых предпочтений в еде, не выдержал. Эта трава была не на уровне привередливости, а способна была лишить вкусовых ощущений.

Валленштайн, забравший траву обратно у Тена, побледневшего лицом, на следующий день внезапно протянул зелье. Видимо, за ночь съездил к демону.

— Сегодня выйдем.

— Куда вы собираетесь?

— В Марбург.

— В Марбург?!

Когда Тен в возбуждении вскрикнул, глаза Валленштайна едва заметно дёрнулись. Тен попытался успокоиться. Безуспешно.

— Значит, Марбург действительно существует.

— А что, должен был существовать как-то ненастоящим образом?

— Я слышал несколько историй, но всё равно казалось миром из фантазий.

Тен, взволнованный до предела, лепетал в одиночестве, а затем резко очнулся.

— Но почему вы вдруг едете в Марбург?

— Чтобы найти гнома, сделавшего Семь окон.

Окно, показывающее весь мир. Семь таинственных окон, паззл из которых Валленштайн собирал от скуки.

И окно сделали, и компас Тена сделали, и чудовищ этого замка вырезали гномы Марбурга. Край мастеров, создающих всевозможные вещи своим изобретательным умением.

— Когда окно разбилось, в него проникла энергия суровых холодов. Поэтому стоит только коснуться осколков разбитого окна, и поражаешься холодом.

Серые глаза обратились к руке Тена в перчатке. Руке, что ненадолго коснулась осколочка, вонзившегося в шею Еджи.

— Поеду решать фундаментальную причину.

Это был Валленштайн, которому было совершенно всё равно, даже когда осколки стекла,

распространяясь по всему Валенсу, вызывали различные происшествия. Причина, по которой он поздно, в неожиданно странное время поднимал эту тему, была слишком очевидна.

— Почему смеёшься?

Только когда Валленштайн указал на это, Тен осознал, что улыбается.

"Может, ты мать и не знаешь хорошо, но мать знает тебя хорошо, поэтому так и поступила".

Схваченный за волосы, много раз ударившись лбом о землю, плюясь пылью, катаясь по земле, он всё равно беспокоился, что соврать матери. Обматывая руку бинтом, каждый день идя встречать буйствующую Аквилу, он думал только о ней. Поступил в школу, официально стал заклинателем, поднялся в звании. Движущей силой, заставлявшей шаг за шагом следовать намеченному курсу, была только она одна. Потому что она была человеком, любившим его больше всех на свете.

Внезапно пришла такая мысль. Мудрая она с самого начала знала, не так ли? Что её любимый сын на самом деле человек, ни разу не принявший решение самостоятельно, человек, лишённый субъектности. Человек, крайне зависимый от других. Тен был таким. Добросовестно выполнял данные задачи, но способности создавать задачи самостоятельно не было вообще.

Поэтому она даже солгала, чтобы дать необычайно сложную задачу. Сын, добросовестный до глупости, по крайней мере, будет жив, пока решает эту задачу. Она хотела оставить Тену причину жить. Беспокоясь до последнего момента жизни о сыне, который останется один.

Когда решение сложной задачи стало видно, будто раскрылось зрение, всё прояснилось. Вещи, которых он не замечал до сих пор, одна за другой бросались в глаза. Повар, усердно готовящий в углу кухни. Крепко завязанные фартук и поварской колпак для него, не имеющего тела, были бессмысленны. Значит, всё это было заботой ради Тена, который не мог его видеть.

Рукав туго натянулся, и он опустил голову. Валленштайн крепко держал его за край рукава.

— Странное лицо.

Глаза стали горячими. Пытаясь сдержаться, получилось странное лицо - глаза нахмурены, а рот улыбается. Вместо ответа Тен поднял Валленштайна. опередил его, прежде чем тот успел попросить опустить.

— Ведь я больше не кашляю. Раз не шатаюсь, снова исполню свой долг.

Снова стану вашими ногами. Маленькие губы, собиравшиеся что-то сказать Тену, добровольно взявшему на себя это, в конце концов плотно сомкнулись.

Тен закрыл глаза. Внутри глаз горячо жгло. Солёная жидкость, казалось, упорно просочится сквозь закрытые веки, поэтому он поднял голову к потолку.

Похоже, немного развился. Тен всё ещё был человеком, зависимым от других, но всё же создал хотя бы одну задачу самостоятельно.

— Прошу и впредь вашей благосклонности, Ваше Величество.

***

— Ой, заснули!

— Я тоже!

— Я тоже!

Вытирая слюну, стёкшую на губы, тройня гномов вскочила.

— Ой, как же так! Хоть один из троих должен был бодрствовать!

— Точно, точно. Нужно было бодрствовать!

— Мы же стражники. Спать нельзя!

— Нельзя спать!

— Нельзя!

Как хорошо, что Его Величество не заметил! Правда хорошо! Правда-правда хорошо!

Смех разнёсся эхом у ворот замка. Долго танцуя и радуясь, что повезло, гномы заметили что-то вдалеке и побежали: топ-топ-топ.

— Что это?

— Что это такое?

— Что это-о?

Три лица склонились в недоумении.

— Горшок?

— Горшок же.

— Горшок!

Они плюхнулись перед горшком. В горшке вместо земли или цветов лежала белая кость.

— Рука?

— Рука же.

— Рука!

Кость с кусками гнилой плоти, кое-где свисающими, была испачкана землёй, словно только что выкопана из могилы. Кость запястья, отрубленная топором или чем-то подобным, была крупной и толстой, как у здорового взрослого мужчины. На бирке с именем "Сесиль" было нацарапано множество линий, а под ними добавлена короткая надпись.

Danke. (Примечание: Danke - спасибо (нем.))

Спасибо.